Внеклассное солнце косо падало на его стол, освещая плавающие в воздухе крошечные пылинки и подсвечивая его профиль, нежный, как нефрит. Длинные ресницы отбрасывали на переносицу тень — бледную, словно написанную тушью.

Как же он был благодарен за то, что в свое время потратил столько времени на решение всевозможных задач. Не зря говорят: прочитаешь тысячу книг — и будешь писать словно по божьему вдохновению, ведь даже сочинение он написал на одном дыхании.

Тема была связана с взрослением, и он написал лирическое эссе. Когда он опустил перо, на лист упала капля, и сквозь нее четко увеличился почерк. Он замер секунд на дверей, прежде чем сообразить, что это его собственные слёзы, и поспешно вытер их, испытывая в тот момент целый бурю самых разных чувств.

Он чувствовал, что действительно повзрослел по сравнению с прошлым. Теперь он умел терпеть, да и выносливости у него стало намного больше — он уже не плакал при каждом удобном случае прямо перед людьми. Он стал сильнее, чем раньше.

Думая об этом, Линь Ихан почувствовал себя немного радостнее. Уголки его глаз изогнулись, глядя на красиво заполненный бланк ответов с некоторым чувством выполненного долга. Заметив же, что до конца экзамена осталось еще полчаса, он принял серьезный вид и несколько раз внимательно все перепроверил.

Из радиорубки донеслась музыка, возвещающая об окончании экзамена. Наблюдавший за порядком учитель знаком велел ученикам из последнего ряда собрать работы. В аудитории поднялся шум, все переговаривались с самыми разными выражениями лиц, но Линь Ихана это уже не касалось.

Он собрал письменные принадлежности и вышел из аудитории. В коридорах постепенно становилось все более шумно. Стоя среди незнакомых людей, он неожиданно для себя почувствовал расслабленность, а на его губах играла легкая улыбка. Его черты лица оживились, и он, без сомнения, выглядел очень привлекательно, невольно приковывая к себе взгляды.

Ничего не замечая, он напрямую направился в туалет. Перед экзаменом он выпил слишком много воды и вовсе не хотел посреди следующего испытания отпрашиваться в уборную. Он совершенно не обращал внимания на то, что кто-то украдкой следует за ним по пятам.

У Сюань только что вышел из аудитории, с мрачным выражением лица взглянул на телефон и, с презрительной усмешкой, направился прямо к учебному корпусу для первого года обучения. Школа была не такой уж большой, и вскоре, под перекрестными взглядами с самым разным невысказанным смыслом, он остановился у входа в туалет на третьем этаже.

Какая-то девочка-омега с улыбкой произнесла:

— Старший товарищ У пришел, он внутри.

Несколько омег, загораживавших проход, поспешно уступили У Сюаню дорогу. Тот вошел внутрь. Его брови сначала сдвинулись из-за стоявшего в уборной зловония, но стоило ему увидеть жалкий вид Линь Ихана, как лицо разгладилось, а в глазах промелькнуло мстительное удовольствие.

— Я еще и не начинал, а он уже до такого дошел?

Хотя У Сюань сказал это с издевкой, винить никого он не собирался, и омеги тут же успокоились, вовсю заискивающе улыбаясь. Один из мальчиков-омег произнес:

— Старший товарищ ведь предупредил, так что хлопот не было. Мы и так вечно смотрим на него с отвращением, а в классе особо ничего не сделаешь, так что выдалась удобная возможность, вот мы его немного и отлупили.

Линь Ихан только что повалялся на полу, и теперь весь был испачкан в тухлой, вонючей грязи. Свернувшись калачиком в углу, он дрожал и тихонько всхлипывал. У Сюань, глядя на это зрелище, даже поленился пачкать свои белые туфли и пинать его. Заметив стоявшие у раковины швабру и пластиковое ведро, он отдал приказ:

— Затолкайте его в кабинку, вылейте ведро воды, пусть отмоется. Такой грязный и вонючий, просто тошно.

Какое-то время никто не двигался — все брезговали пачкаться о грязного Линь Ихана и не хотели к нему прикасаться. У Сюань сердито сверкнул глазами и с гневом бросил:

— Чего застыли? Тупые, что ли? Вон же швабра стоит! Потыкаете пару раз, поймет, что больно, и сам заползет!

Линь Ихан шевельнулся, поднял голову и испуганно посмотрел на них. Опережая того, кто уже занес швабру, чтобы толкнуть его, он со слезами на глазах сам забился в кабинку. Он боялся боли и того, что эти люди не пожелают оставить его в покое, и лишь надеялся, что все это поскорее закончится и он успеет на следующий экзамен. Он не просил ни о чем другом, желая лишь крепко ухватиться за этот шанс и вырваться из этой безнадежной трясины.

Ха-ха-ха, он ведь и вправду сам залез!

О боже мой, ну и бесхребетный же он.

Несколько омег разразились смехом. У Сюань заметил:

— А по мне, так у него очень даже есть хребет, раз он посмел ослушаться моих слов. Я ведь ему русским языком сказал не попадаться мне на глаза рядом с Цинь Чжэном, а он в тот же день полез в машину к Цинь Чжэну. Мастерски притворяется несчастным, просто высший класс.

Дверь со стуком захлопнулась, отчего затряслась вся кабинка. Линь Ихан сжался в комок внутри, а слезы хлынули с новой силой. Глядя на несколько пар ног, мелькавших под дверью, и заметив, как индикатор на замке сменил цвет на красный, он внезапно почувствовал неладное. Протянув руку, он попытался повернуть задвижку, но та ни в какую не поддавалась. Он мгновенно запаниковал, но вымолвить ни слова не мог — из горла вырывались лишь сдавленные рыдания. Лишь спустя долгое время он с трудом выдавил из себя:

— Умо, умоляю вас… не, не запирайте меня, прошу, умоляю…

У Сюань холодно фыркнул, перевел взгляд и с усмешкой произнес:

— Ладно уж, поумоляй еще немного, я подумаю? Гляжу я на тебя, ты ведь весь грязный — может, хочешь, чтобы мы помогли тебе отмыться?

Линь Ихан плакал навзрыд, изо всех сил пытаясь подобрать слова. Он до ужаса боялся, что они не позволят ему пойти на экзамен. Если он упустит эту возможность, ему придется терпеть до самого конца семестра и летних каникул, а он боялся, что просто не выдержит. Он расценивал этот экзамен как величайшую надежду и столько всего подготовил, что действительно не хотел вот так потерпеть неудачу в самом конце.

— Про, прошу вас, по, помогите мне умыться…

— Ха, что ты там сказал? Вы слышали, что он сказал?

— Ха-ха-ха-ха, жужжание комара, кто ж тут разберет.

Линь Ихан стерпел унижение, а сильные эмоциональные качели вызвали у него приступ тошноты. Кислая жижа подступала к горлу, он сглотнул ее несколько раз и постарался выровнять дыхание. В конце концов, закрыв глаза, он повысил голос:

— Умоляю вас, помогите мне умыться.

У Сюань спросил:

— С какой стати нам тебе помогать?

Линь Ихан сжал кулаки так, что ногти впились в ладони. Острая боль на мгновение опустошила его голову, и казалось, что тело полностью лишилось сил — плечи и спина разом

опустились. Он услышал собственный голос — всё еще отчетливый, но в то же время звучавший то близко, то далеко:

— Потому что… я грязный.

Произнеся это, он отрешенно замер. Слезы больше не текли, мокрые ресницы несколько раз затрепетали, и внезапно он всем плечом с размаху ударился о дверь. Сначала половина его тела онемела, а затем пронзила боль.

Линь Ихан вдруг перестал бояться. Он хотел лишь протаранить эту дверь и выбраться наружу, сделать так, чтобы те, кто не переставая хихикал, больше никогда не смогли смеяться — да хоть любым способом!

Он больше не хотел этого слушать.

Внезапная вспышка ярости быстро захватила его сознание. Шум за дверью был суматошным, и он уже не разбирал, что наперебой кричали те люди. Он чувствовал лишь, что его тело охватил жар, и хотел удариться снова, но сверху на него вылился целый ухват грязной воды, окатив с головы до ног ледяной стужей.

Линь Ихан на мгновение опешил, выходя из этого жуткого состояния. Дрожа, он обхватил голову руками и присел на корточки. Звуки вернулись, хаотично заполнив его слух и лишая возможности дышать.

Из репродуктора донеслось напоминание ученикам заходить в аудитории. Он чувствовал себя совершенно потерянным, его губы шевелились, но он и сам не понимал, что бормочет. Он лишь слышал, как галдеж отдаляется от него, пока вокруг не воцарилась гробовая тишина, в которой был слышен лишь медленный стук капель воды, падающих на пол.

Время шло секунда за секундой. Постепенно приходя в себя, он подумал: сейчас сдают математику. За нее можно получить сто пятьдесят баллов. Но если лишиться этих ста пятидесяти баллов, то с какой стати он вообще мечтает оказаться в одном классе с Цинь Чжэном?

Линь Ихан снова заплакал. Слезы градом катились из глаз, он прислонился спиной к двери и медленно сполз на грязный, ледяной пол, свернувшись в клубок и не издавая ни звука.

Он закрыл глаза. Вездесущий холод и сырость проникали повсюду, и казалось, что его сердце тоже погрузилось в мутную, грязную воду. В этой темноте он больше не видел света.

Глава 10

Ой, в этот раз математика такая сложная, кажется, даже до проходного балла не дотяну.

Ага, не говоря уже о двух последних задачах в каждом блоке, посередине тоже трудно было. Наверное, это Се составил вариант.

…Раз это составил Дьявол Се, то во всей параллели высокий процент сдачи будет разве что в двух элитных классах, а многие из нас в профильных классах, похоже, завалятся.

Охренеть, это кто тут натворил? Все в воде, и топтаться противно.

Чего это швабра тут валяется?

Услышав, как ученики в коридоре тихо обсуждают только что завершившийся экзамен по математике, Линь Ихан слегка затрепетал ресницами, медленно поднялся на ноги и бессильно постучал в дверь. Он приоткрыл рот, но прежде чем успел издать хоть звука, из глаз снова потекли слезы.

Тут кто-то есть!

С громким лязгом швабра упала на пол, и дверь кабинки отворилась. Линь Ихан на мгновение оцепенел и, покрытый с головы до ног грязью, с опущенной головой вышел наружу, оставляя на полу несколько мокрых следов.

Две девочки-омеги снаружи, судя по всему, были прилежными ученицами. Обе испуганно шарахнулись и прижались к стене, а одна из них неуверенно спросила:

— Одноклассник… ты в порядке?

Линь Ихан поднял на нее растерянный взгляд, и ему потребовалось некоторое время, чтобы сообразить, о чем его спрашивают. Тихо ответив, он произнес:

— Спасибо, я… в порядке.

Эти две омеги проводили его взглядом, пока он шел словно лунатик, и принялись тихонько переговариваться.

Ну надо же быть такими бессовестными, чтобы запирать человека во время экзамена?

Тц, сразу видно — из обычных классов. Уж больно там народ распущенный, вечно творят всякую дичь, школьная атмосфера совсем испортилась.

Экзамен только что закончился, и наступил большой перерыв. В коридоре стоял сплошной галдеж. Пройдя какое-то расстояние под множеством странных взглядов, Линь Ихан вдруг

очнулся. Уткнувшись носом в землю, он вернулся в аудиторию за своим рюкзаком и бросился бежать. Бежав все быстрее и быстрее, он напрямик пересек спортплощадку, обогнал первую волну выходящих из школы учеников и прямо на такси уехал домой.

Вэйфэн встретил его в палисаднике, виляя хвостом и радостно гавкнув пару раз, но Линь Ихан пропустил это мимо ушей. Чуть ли не бегом он ворвался в ванную. Дрожа, он сбросил с себя одежду и встал под потоки холодной воды, лившейся из душа. Его отрешенное выражение лица наконец-то немного изменилось.

Упершись руками в стены, он обнаружил, что его белое, худощавое тело сплошь покрыто синяками и ссадинами, выглядевшими пугающе. Вода омывала его опущенное лицо, бледное и холодное, углы рта были судорожно опущены вниз. Раздался слабый, сопливый носовой звук, и в шум струящейся воды вплелся тихий плач.

Даже оставаясь в таком замкнутом пространстве в полном одиночестве, Линь Ихан не хотел громко плакать — на сегодня с него было достаточно слез. Вода постепенно теплела, а затем стала горячей. Простояв так долгое время и немного отойдя, он на мгновение отключился от мыслей и тупо принялся мыться. Белоснежная, нежная пена стекала по его телу на пол, собираясь у сливного отверстия и непрерывно утекая в канализацию.

Вымывшись три раза, Линь Ихан наконец почувствовал себя немного чище. Нагой, он вышел из ванной и, словно лишившись всех сил, рухнул на кровать. Опоздавшая боль дала о себе знать, но она меркла перед лицом усталости. Ему было лень разбираться со своими ранами, и, завернувшись в одеяло и свернувшись в комок, он заснул.

Проснувшись, он обнаружил, что уже три часа дня.

Во второй половине дня предстояло сдавать комплексный экзамен по естественным наукам. Линь Ихан шевельнул пальцами, с трудом перевернулся на другой бок, какое-то время тупо смотрел в потолок и с безразличным видом подумал, что ему уже все равно. Казалось, у него не осталось сил подняться с постели, да и в школу идти не хотелось. Он вытащил телефон и отпросился у учителя по болезни. Голос его звучал слабо и вполне убедительно, так что учитель, не задавая лишних вопросов, отпустил его.

http://bllate.org/book/31283/3813708